

Отзыв  
официального оппонента  
доктора филологических наук, доцента  
Коровашко Алексея Валерьевича о диссертации  
Панюкова Анатолия Васильевича  
«СИНЕРГЕТИКА ФОЛЬКЛОРНЫХ ИННОВАЦИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ  
КУЛЬТУРЕ КОМИ»  
на соискание ученой степени доктора филологических наук  
по специальности: 5.9.4 Фольклористика

Многочисленные работы Анатолия Васильевича Панюкова, посвященные фольклору, этнографии и традиционной народной культуре, хорошо знакомы всем тем, кто профессионально занимается изучением указанных областей гуманитарного знания. Примечательно, что самое первое исследование по теме рецензируемой докторской диссертации Анатолий Васильевич опубликовал, если ориентироваться на информацию, представленную в библиографии, в уже далеком 1996 году. Таким образом, идеи, связанные с докторской диссертацией, вызревали и кристаллизовались в творческом сознании ее автора по-настоящему большой срок. Это обстоятельство, вне сомнений, позволяет аргументированно утверждать, что докторская диссертация А.В. Панюкова лишена какой бы то ни было «скороспелости» и не имеет ничего общего со стандартным преодолением еще одной ступени в академической карьере, которое, как приходится с очевидным сожалением констатировать, рассматривается некоторыми учеными как некий «символический жест», находящийся в том же ряду, что и пресловутое «повышение публикационной активности», прохождение «курсов повышения квалификации» и попадание в «базы данных рецензируемой научной литературы». В противовес всем подобным «свершениям», нацеленным, как правило, на придание солидности разнообразной отчетности, докторская диссертация А.В. Панюкова представляет собой закономерный результат органического развития той исследовательской работы, которую ее автор ведет давно и плодотворно.

Перейдем теперь к характеристике и оценке композиции и содержания диссертации.

Во «Введении», как это и принято, обоснована актуальность предпринятого автором исследования, определены его объект, предмет, цель, а также степень изученности выбранной темы и ее научная новизна; эксплицированы методологическая и теоретическая основа диссертации (синергетическая концепция), сформулированы положения, выносимые на защиту; содержатся указания на показатели, обеспечивающие, с одной стороны, достоверность полученных результатов, а с другой – их теоретическую и практическую значимость и успешную апробацию; наконец, даются сведения о структуре диссертации.

Несмотря на то, что к «Введению» принято относиться как к своего рода ритуальной части любого исследования (будь то книга, статья или коллективная монография), А.В. Панюков сумел и в этом, казалось бы, чисто техническом композиционном элементе диссертации, высказать ряд ценных мыслей и замечаний. Например, обращает на себя внимание тот факт, что он сумел уйти от обычного реферирования предшествующих источников, дав некоторым из них объективную, взвешенную и критическую оценку. Так, указывая на то большое значение, которое имеет для фольклористики четырехэтапная периодизация синкретизма, предложенная В.А. Поздеевым («архаический синкретизм» – «взаимодополняющий синкретизм» – «технологический синкретизм» – «синтетизм»), А.В. Панюков отмечает, что «принципиальное отсутствие "правил перехода" одной стадии в другую вряд ли позволит найти этой концепции практическое применение»; к тому же, добавляет он, «такой подход не решает проблему качественных изменений как одной из ключевых позиций закона традиции и обновления культуры» (с. 5).

Отдельно нужно остановиться на методологической и теоретической основе предпринятого А.В. Панюковым исследования, рассматриваемого именно в русле фольклористики. Не секрет, что, перечисляя труды тех, на

кого они опирались в своей работе, авторы большинства диссертаций создают самый настоящий методологический «винегрет», умудряясь, если воспользоваться хрестоматийными пушкинскими строчками из «Полтавы», «впрячь в одну телегу коня и трепетную лань». На почве такого противоестественного скрещивания абсолютно несовместимых методологий возникают клише и формулы, кочующие из одной диссертации в другую. Сплошь и рядом приходится читать такие фразы: «Методологической и теоретической основой нашей диссертации стали труды Н.А. Добролюбова, Г.В. Плеханова, В.Б. Шкловского, М.М. Бахтина, Ф. Ницше...», «В своей методологии мы опирались на работы Аристотеля, Шеллинга, Фейербаха, Ю.Н. Тынянова, Ролана Барта, Мишеля Фуко и моего научного руководителя...» и т.п.

В докторской диссертации А.В. Панюкова таких симбиотических курьезов мы не найдем: те авторы, у которых он заимствовал эвристически ценные наработки, выстраивая собственную методологическую концепцию (А. Н. Веселовский, В. И. Пропп, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, Ю. М. Лотман, С. Ю. Неклюдов), находятся в отношениях, если так можно выразиться, смысловой «валентности» – их идеи прекрасно сочетаются друг с другом, образуя целостное смысловое единство, скоординированное с исследовательскими интенциями самого автора диссертации. Случай этот в диссертационной практике, как нам представляется, столь редок, что мы просто не могли о нем не упомянуть.

И во «Введении», и в первой главе диссертации А.В. Панюков пытается дать «фольклористическое наполнение» основным понятиям синергетики. Здесь мы должны признать, что не являемся сторонниками переноса понятийного аппарата синергетики, возникновение которой связано, прежде всего, с трудами физиков и химиков (Ильи Пригожина и Германа Хакена), в сферу гуманитарных наук.

Синергетика, применяемая без присущего ей математического аппарата, – это, на наш взгляд, не столько область строго научного метода,

сколько область метафорического мышления, убедительность которого во многом зависит от индивидуальной стилевой манеры. Показательно, что ключевые термины синергетики, употребляемые в рецензируемой докторской диссертации, без труда могут быть сопоставлены – в их содержательном аспекте – с понятиями, широко используемыми в гуманитарных науках, таких, как литературоведение и фольклористика. Например, термин «аттрактор» явным образом соотносится с понятием «доминанты», если брать то ее значение, которое использовал в своих работах Роман Якобсон. Термин «замысел» (именно как термин синергетики), безусловно, коррелирует с «интенциональностью» Гуссерля и т.д.

Мы также полагаем, что разные термины синергетики обнаруживают разную степень «приспособляемости» к нуждам гуманитарных наук. Если перенос «аттрактора» или «замысла» в систему рассуждений о каком-нибудь объекте фольклористики не вызывает отторжения вследствие своей почти автоматической «переводимости», то, например, «фрактальность» будет казаться уже избыточной метафорой в буйно-барочном духе. Лично у нас самое большое возражение вызвало встраивание в фольклористический контекст понятия «золотого сечения», восходящего, кстати, вовсе не к синергетике. Мы допускаем, например, что в реальном пастушеском «отпуске», записанном в XIX веке, или в былине о Садко, есть «гармонический центр текста, определяемый коэффициентом 0,618 от размера целого» (с. 44), но возник ли этот центр в результате самозарождения или самоорганизации или обнаружился в результате хитроумных вычислений каббалистического толка (мы не случайно вспомнили каббалу: ее знатоки могут найти в тексте Торы всё что угодно) – вопрос открытый.

Тем не менее, мы хотим подчеркнуть, что выбор языка синергетики автором рецензируемой диссертации – это его индивидуальный выбор языка описания и интерпретации исследуемых явлений. Возможность такого

выбора является его неотъемлемым правом. К тому же перенос понятий из сферы точных (естественных) наук в сферу наук гуманитарных имеет давнюю традицию, которая своим авторитетом как бы «освящает» предпринятую А.В. Паниюковым «синергетизацию» фольклористики. Если мы будем учитывать это обстоятельство, то синергетический аппарат его докторской диссертации необходимо будет воспринимать примерно так же, как мы воспринимаем бахтинский «хронотоп» (данный термин перекочевал в филологию из физиологии, побывав перед этим на территории физики) или пропповскую «морфологию» (своим происхождением она обязана биологическим исследованиям Гёте)

Завершая размышления по поводу синергетической «реформы» фольклористики, предпринятой автором рецензируемой диссертации, хотелось бы задать ему вопрос (замечания и вопросы обычно помещают в конце отзыва, но мы отступим от этого правила, вовсе не являющегося жестким): как, с его точки зрения, соотносится его синергетическая «реформа» фольклористики с аналогичным, если брать целевой аспект, методологическим экспериментом, проделанным чуть более десяти лет назад Ларисой Рыбаковой? Напомним, что эта исследовательница опубликовала в 2013 году монографию «Синергетическая фольклористика. Порядок в хаосе фольклорного микромира» (Анатолий Васильевич, кстати, эту книгу упоминает в примечании 12 на с. 8, характеризуя ее как одну из «первых синергетических наработок в области фольклористики», но в библиографии для нее места почему-то не находит). Иными словами, нам хотелось бы уточнить у автора диссертации следующее: что общего и что различного в тех синергетических подходах к изучению фольклора, которые разрабатываются в его изысканиях и в упомянутой монографии Рыбаковой? Ответ на этот вопрос позволит пролить дополнительный свет и на новизну диссертации, и на ее методологические основания.

Второй раздел первой главы диссертации посвящен специфике коми-русских фольклорных взаимосвязей.

Важным и, по нашему мнению, верным представляется содержащееся в нем утверждение А.В. Панюкова о том, что этнические границы «фиксируются» не только на разного рода картах, где их весьма удобно прочертить, а «на самых разных уровнях традиционного мировоззрения» (с. 48). Примеры того, как эти границы оформляются в рамках тех или иных бинарных оппозиций, чрезвычайно любопытны и информативны.

Третий раздел первой главы имеет заголовок «Синергетика фольклорных контактов: Ижмо-колвинский эпос». В этом разделе чрезвычайно интересным, на наш взгляд, является увязка социально-экономических факторов с изменениями в сфере культуры и устного народного творчества. Как известно, подобные соотношения в истории отечественных гуманитарных наук постулировались неоднократно, но они, как правило, оставались отражением не каких-то реально существующих вещей и процессов, а тех умозрительных конструкций, которые существовали исключительно в сознании исследователей, инфицированных «вирусом» вульгарного социологизма и прямолинейных отождествлений далеких друг от друга и не пересекающихся явлений. А.В. Панюков, нарушая эту дурную традицию, носящую к тому же ярко выраженную идеологизированную окраску, показал, как «переход на оседлость и полукочевое оленеводство привел к возникновению особого "социально-экономическое" двоимирия, совмещающего и деревенский космос (в зимний период), и мир кочевника» (с. 89). Результатом этого стало то, что «в контексте бытования фольклорной традиции это двоимирие создавало две отличающиеся по языку, по составу и эстетическим вкусам аудитории, и, соответственно, два фольклорных мировосприятия, на которые были ориентированы певцы» (с. 89).

Различные аспекты указанного двоимирия, среди которых, например, выделяется и «внутрисемейное» двоимирие, сгенерировали ряд процессов, «вызвавших взрывоподобное (всего за несколько поколений) рождение новой фольклорной эстетики и уже не делимой на этнические слагаемые

новой традиции» (с. 94) (было бы, кстати, интересно сопоставить синергетическую трактовку данного явления, предложенную А.В. Панюковым, с концепцией нелинейного развития культур и языковых – в широком смысле – систем, обоснованной в последней прижизненной монографии Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв» (1992)).

Вторая глава диссертации – «Самоорганизация инновационных явлений» – состоит из четырех разделов. Первый из них – «Образ радуги в фольклоре коми». В нем дается объяснение гомологичности таких образов фольклора коми, как «радуга», «бык», «божья коровка», «мышь», «гора» и т.д. Как полагает А.В. Панюков, «Одна случайная паронимическая аттракция, возникшая в результате перевода: быки > ошка-мёска 'быки-коровы, бык с коровой' > ошкамёска 'радуга', вызывает кумулятивный эффект, в результате которого возникает гипертекстовая структура – аттрактор. Этот аттрактор начинает "притягивать" доступные смысловые ассоциации» (с. 111).

Это наблюдение трудно оспорить, поскольку оно отражает реальное положение дел, однако, как минимум, одно уточнение внести в него стоит. Дело в том, что паронимическая аттракция никогда не бывает случайной. Она всегда возникает почти с «железной» необходимостью, если последняя мотивирована регулярными фонетическими закономерностями и соответствиями (именно поэтому паронимическая аттракция играет такую большую роль в заговорно-заклинательной поэзии, где обеспечивает желаемое сближение пары разнородных объектов, один из которых выступает в качестве, условно говоря, образца для другого). Поэтому цепочка мифопоэтических ассоциаций, связанных с образом радуги и возникающих в результате начального паронимического «сдвига», может считаться «случайной», как нам представляется, лишь с целым рядом оговорок.

Если в разделе второй главы, посвященном образу радуги в коми фольклоре, в качестве «ключа», позволяющего проникнуть в его семантику,

используется паронимическая аттракция, то в следующем разделе, в центре которого – игра «горань», таким «ключом» выступает уже целая связка чисто лингвистических приемов (ономатопея, анаграмма, квазиэтимология и все та же паронимия). Автор диссертации полагает, что эти приемы объединяются так называемым «фрактальным» принципом (подобная трактовка заслуживает, конечно же, внимания).

Третий раздел второй главы повествует о семантике и структуре магического обряда на смерть «ректасем». Здесь нужно сказать, что «черная магия» во всех ее разновидностях – плохо «проницаемое» пространство для фольклорно-этнографических исследований, поэтому анализ данного обряда, предпринятый А.В. Панюковым, имеет чрезвычайно важное значение, выходящее далеко за пределы отдельно взятой этнической традиции. А.В. Панюков, кстати, допускает, что «мифологизированное отношение к мотовилу было присуще и другим культурам, в том числе и русской» (с. 134). Если учесть, что мотовило, безусловно, связано с такой мифологемой, как «нить судьбы», то догадка А.В. Панюкова абсолютно верна. Свою гипотезу он подкрепляет ссылкой на словарь В.И. Даля, где упоминается «побаска» о хозяйке, которая от лени застрашала мужа, чтобы тот не делал мотовила («Вавила, не руби мотовила; хозяйка помрет»). Добавим, что «побаска» эта в развернутом виде встречается в сказках, опубликованных в хрестоматийных фольклорных сборниках, например, в сказке «Ленивая жена» из сборника «Великорусские сказки» И.А. Худякова (1860, № 31). Выходя за пределы славянской традиции, отметим, что поверье о связи мотовила и смерти фигурирует и в третьем томе «Германской мифологии» Якоба Гримма («Если мотовило перекосятся, а моток нитей провиснет, то, значит, ребенка из этого дома когда-нибудь повесят»).

В четвертом разделе второй главы разбирается мифологический сюжет о варке сусла. Анализ связанных с ним сюжетов и сделанные в результате этого анализа выводы вполне, на наш взгляд, убедительны.



Третья глава рецензируемой диссертации посвящена календарным инновациям.

В ее первом разделе (параграфе) речь идет о святочных духах и образе мороза. А.В. Панюков сумел, что было, вне сомнений, отнюдь не просто, установить, что огромное разнообразие соответствующих представлений «тема "трескучего мороза" стала общим аттрактором и для мифологического образа трескучего мороза и для микролокальных представлений о святках».

Второй раздел третьей главы не только богат уникальным материалом, логически систематизированным и подробно проанализированным, но и обладает самой настоящей увлекательностью. Это свойство, не так часто встречающееся в научных работах, обусловлено тем, что в роли аттрактора обрядности осеннего Кузьмы-Демьяна выступил советский поэт Демьян Бедный. Уникальность этого случая, как нам кажется, не нуждается в дополнительных комментариях.

Но, быть может, еще больший интерес вызывает третий раздел третьей главы, в котором показано, какие календарные инновации возникают за счет того, что Степанов день (дата успения св. Стефана Великопермского) совпадает с Днем Победы в Великой Отечественной войне – 9 мая.

Четвертая глава докторской диссертации А.В. Панюкова посвящена самоорганизации заговорных инноваций. Все, что в этой главе содержится, не вызывает каких-либо вопросов и замечаний. Единственное, что нам хотелось бы добавить к наблюдениям и выводам данной главы, так это указать на возможное расширение круга фольклорных источников, привлекаемых А.В. Панюковым для поиска параллелей к 3-ей строке («Сидит Ясен-Сокол и бил черные ворона») заговора на то, чтобы ястреб/ коршун не поедал дичь из силков и слопцов. По его мнению, «здесь задействованы <...> севернорусские былины, сказочный Финист-ясный сокол, свадебный фольклор и т.п. <...>» (с. 271). Мы полагаем, что к этим источникам (точнее – параллелям) необходимо добавить думы об Алексее Поповиче и буре на Черном море, в которых наличествует фрагмент текстуально очень близкий к

3-ей строке указанного заговора («На черном море, на белом камени, сидит ясен сокол, квилит, дуже проквиляет, на Черное море испилня поглядает...») (Махал И. О богатырском славянском эпосе. Прага, 1894, с. 220)).

В последней главе диссертации – «Самосборка сюжета» – провозглашается «изоморфизм языковой системы и физического микромира». С подобным отождествлением мы по соображениям методологического порядка не можем согласиться (с нашей точки зрения, сближения такого типа не более чем метафора). Но конкретные наблюдения А.В. Панюкова над текстами предания об убийстве князя Василия Вымского и охотничьих быличек коми-зырян, повествующих о контакте охотников со сверхъестественным миром, нам представляются интересными и убедительными.

В «Заключении» диссертации автору удалось сжато изложить основные тезисы своей синергетической концепции и результаты ее применения к анализу коми фольклора.

Библиография к диссертации А.В. Панюкова весьма обширна и, помимо работ на русском языке, содержит источники и исследования на иностранных языках, что свидетельствует о той основательности, с которой автор диссертации подошел к решению поставленных задач. Правда, мы бы отметили, что перечень работ Ильи Пригожина, основоположника синергетики, мог бы и не ограничиваться одной-единственной книгой, поскольку даже на русском языке было издано не менее полутора десятков монографий этого ученого, написанных как индивидуально, так и в соавторстве.

В конце отзыва принято перечислять критические замечания к рецензируемой диссертации. Однако все свои замечания мы уже высказали, комментируя и характеризуя отдельные главы исследования, предпринятого А.В. Панюковым. Поэтому присоединим к этим замечаниям лишь указание на небольшие технические изъяны, обнаруживающиеся в оформлении работы. Например, перечень источников и исследований в содержании

диссертации именуется «Списком литературы», а в самом тексте – «Библиографией». Но это почти ничего не значащие формальные частности, не влияющие на общее положительное впечатление от работы А.В. Панюкова.

Подводя итоги, подчеркнем, что докторская диссертация А.В. Панюкова представляет собой самостоятельное исследование, обладающее актуальностью, новизной, а также большой теоретической и практической значимостью.

Все это позволяет нам прийти к выводу, что диссертация Панюкова Анатолия Васильевича на тему «Синергетика фольклорных инноваций в традиционной культуре коми», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 – Фольклористика, соответствует требованиям п. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. от 25 января 2024 г.), а ее автор заслуживает искомой ученой степени доктора филологических наук.

Доктор филологических наук, доцент,  
Заведующий кафедрой русской литературы  
Института филологии и журналистики  
Национального исследовательского Нижегородского  
государственного университета им. Н.И. Лобачевского  
Коровашко Алексей Валерьевич

15.10.2024 г.

Контактная информация:

603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

тел.: (831)433 38 61

[palimpsest-journal@yandex.ru](mailto:palimpsest-journal@yandex.ru)

С работами официального оппонента можно ознакомиться на следующем сайте: [https://www.elibrary.ru/author\\_items.asp?authorid=351688](https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=351688)



Председателю  
диссертационного совета 24.1.080.01  
по филологическим наукам,  
созданного на базе Института мировой  
литературы им. А.М. Горького  
Российской академии наук,  
В.Л. Кляусу  
от Коровашко Алексея Валерьевича

О согласии выступить  
официальным оппонентом

Я, Коровашко Алексей Валерьевич, подтверждаю свое согласие выступить официальным оппонентом по диссертации А.В. Панюкова «Синергетика фольклорных инноваций в традиционной культуре коми», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 – Фольклористика, и представить отзыв в диссертационный совет 24.1.080.01 по филологическим наукам в установленном порядке.

Приложение: Сведения об официальном оппоненте на 2-х листах в 2-х экземплярах.

Доктор филологических наук, доцент,  
заведующий кафедрой русской литературы  
Нижегородского государственного университета  
Им. Н.И. Лобачевского

Коровашко Алексей Валерьевич

9.07.2024



**Сведения об официальном оппоненте**  
 по диссертации Панюкова Анатолия Васильевича  
 «Синергетика фольклорных инноваций в традиционной культуре коми» по специальности  
 5.9.4 – «Фольклористика» на соискание ученой степени  
 доктора филологических наук

Фамилия, имя, отчество	Коровашко Алексей Валерьевич
Ученая степень (с указанием специальности)	Доктор филологических наук (10.01.09 Фольклористика)
Ученое звание	Доцент
<b>Основное место работы</b>	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского"
Сокращенное наименование организации в соответствии с уставом	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Полное наименование структурного подразделения	Кафедра русской литературы
Почтовый индекс, адрес организации, адрес электронной почты	603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, unn@unn.ru
Веб-сайт	<a href="http://www.unn.ru/">http://www.unn.ru/</a>
Телефон	(831)433 38 61
Список основных публикаций оппонента, составляющего отзыв, за последние 5 лет (не более 15 публикаций)	<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Коровашко А.В. Акматическое богословие // Новый мир. 2020. № 6. С. 205–208.</li> <li>2. Коровашко А.В. Между Гераклитом и Конецким. Об источниках и контекстах стихотворения Велимира Хлебникова // Новый мир. 2020. № 10. С. 196–204.</li> <li>3. Коровашко А.В. "Знахарь и кочующий поэт": заговоры, заклинания и молитвы Варвары Малахиевой-Мирович // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 3. С. 95–107.</li> <li>4. Коровашко А.В. Контрабандное чернокнижие для пионеров и октябрят // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 4. С. 30–38.</li> <li>5. Коровашко А.В., Авченко В.О. Олег Куваев. Повесть о нерегламентированном человеке. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 480 с. 2020. (2-е изд., испр. и доп. 2023. 504 с.).</li> <li>6. Коровашко А.В. Имперский проект для республик словесности // Новый мир. 2021. № 3. С. 213–216.</li> <li>7. Коровашко А.В. Остров пародии в океане заговорного жанра // Russian Literature. 2022. Т. 132. С. 79–98.</li> </ol>

8. Коровашко А.В. Риторика непростойности // "В ответ на лучшие дары": Венок к 63-му дню рождения Александра Евгеньевича Махова. Тула, 2022. С. 363–367.
9. Коровашко А.В. Эстонский призыв к русской речи // Новый мир. 2023. № 4. С. 214–216.
10. Коровашко А.В. Обнаженное время // Новый мир. 2024. № 3. С. 173–181.
11. Коровашко А.В. Мнимый Ильенков // Новый мир. 2024. № 4. С. 186–191.
12. Коровашко А.В. Пушкинские мотивы и подтексты в лирике М.И. Лопатто // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2024. № 2. С. 201–210.

Заведующий кафедрой русской литературы  
Института филологии и журналистики  
Национального Нижегородского государственного университета  
им. Н.И. Лобачевского,  
доктор филологических наук,  
доцент



А.В. Коровашко

М.П.

9 июля 2024 г.